

SHAKESPEARE AND COMPANY

КНИЖНЫЙ В СЕРДЦЕ ПАРИЖА

Перевод Анастасии Еременко

ЛОРЕНЦА ДЖЕНТИЛЕ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

Романы МИФ. Прекрасные мгновения жизни

ЛОРЕНЦА ДЖЕНТИЛЕ

КНИЖНЫЙ В СЕРДЦЕ ПАРИЖА

Перевод с итальянского
Анастасии Еременко

Москва

МИФ

2024

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

Начало	9
Суббота	53
Воскресенье	101
Понедельник	137
Вторник	177
Среда	207
Четверг	241
Пятница	271
Суббота	291
Воскресенье	313
Понедельник	327
Вторник	351
Среда	371
Окончание	399
Благодарности	410
Список цитирований	413

Я хотел открыть свой книжный магазин,
потому что иметь дело с книгами — значит
иметь дело с самой жизнью.

Джордж Уитмен

Нам следует отказаться от той жизни, ко-
торую мы спланировали, чтобы получить
ту жизнь, которая для нас предназначена.

Джозеф Кэмпбелл

Начало

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

1

На моем столе лежит сверток, обернутый страницей китайской газеты. С запиской. Мое имя наспех начертано ручкой на конверте — так, что его едва можно прочесть. Почерк похож на тетин. Отец бы сказал: «Никакого уважения!»

С не самым радостным выражением лица я застыла на месте, даже не сняв верхней одежды, а руки зависли в воздухе, словно дирижируя безнадежным оркестром.

В сердце гремят аккорды из «Кармины Бурана»*.

Я закрываю глаза и делаю три больших глубоких вдоха, как учила меня доктор Манубрио.

На первом сеансе Манубрио попросила составить список того, что делает меня счастливой. Непростая задачка. Не опоздать на работу, успев при этом позавтракать? Во время обеденного перерыва поехать в спортзал, а тот окажется закрыт на незапланированный ремонт?

* «Кармина Бурана» — сценическая кантата немецкого композитора Карла Орфа на средневековые стихотворения XIII в. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Составлять список оказалось делом приятным: маленькие радости приходили в голову одна за другой. Когда в душевой отеля такой сильный напор воды, что соседям не слышно, как я пою, пока моюсь. Когда пирожные «макарон» внутри мягкие, а снаружи — хрустящие. И еще их так много, что я со спокойной душой могу поглощать их не считая.

Кое о чем я только подумала, не записывая. Например, о том, как хорошо гулять по полю в одиночестве, зная, что меня никто не увидит. Тогда можно заплакать, броситься на землю и закричать: «Ничего, завтра будет новый день!» — или обнять кота, как это делает Холли Голайтли в фильме «Завтрак у Тиффани», и поцеловать воображаемого Пола, затянутого в плащ.

Еще я умолчала о воображаемых беседах с тетей, с Тото*, с леди Дианой, Эйнштейном, матерью Терезой, Пикассо, Наполеоном, Мэрилин Монро, Моцартом и Клеопатрой.

Зато призналась, как здорово бродить между стеллажами азиатского супермаркета, расположенного за офисом, изучать упаковки с героями мультфильмов, покупать случайные продукты, пробовать их во время обеденного перерыва и никому об этом не рассказывать.

Мне пришли на ум некоторые идеи, показавшиеся совершенно безобидными. Я перечислила их вслух. Например, как было бы славно получать достойную зарплату на заре моих тридцати лет и перестать зависеть от родителей. Чтобы больше не нужно было заливать всем и каждому: «Я подрабатываю техническими

* Тото — известный итальянский актер комического жанра (1898–1967).

переводами с английского». Их у меня не заказывают с момента появления гугл-переводчика. Через полгода оказаться в белом платье рядом с Бернардо и даже с застрявшим рисом в волосах* удачно выйти на фотографиях, хоть раз в жизни. Заставить родителей гордиться мной, даже если наше крыло в церкви будет полупустым. Проводить вечера у Бернардо: он бы работал, а я часами сидела в кресле, решая sudoku. По субботам помогать матери с домашними делами, которыми пренебрегает горничная: переворачивать матрасы и сиденья дивана и кресел, чтобы они проветрились, выметать подкововерную пыль, очищать микроволновую печь от налета, наводить порядок в шкафах, протирать полки. Благодаря этому чувствовать себя в ладу с совестью: я вспотела и поэтому, возможно, похудела на несколько граммов, а маме стало лучше — наконец-то кругом порядок. Видеть, как улыбается отец, когда я сообщаю ему хорошую новость — быть может, о том, что меня взяли на работу. Этого еще не случилось ни разу, но я прекрасно представляю его улыбку. Получить букет моих любимых белых ирисов, которые можно купить в любое время года.

Я молча смотрела на стул в форме яйца у окна, давая Манубрио понять, что закончила. Она задумалась, а затем, к моему великому облегчению, изрекла, что у меня, как и у всех, есть свои тараканы, но со мной все в порядке.

Уже шесть месяцев каждый вторник я провожу в ее кабинете по часу, во время обеденного перерыва,

* Итальянская свадебная традиция, когда гости бросают в молодоженов рис — символ богатства и изобилия.

но до сих пор ни разу не заговорила о брате. И о тете. И как бы я могла? Манубрио — подруга моей матери. Профессиональная тайна существует, но кто может дать гарантии? Конечно, моя мать обо всем ее расспрашивает. С недавних пор я замечаю, как она обеспокоенно смотрит на меня дома. И подозреваю, она догадалась, что это я таскаю у нее снотворное и что это я, а не уборщица, тайком съедаю шоколадные конфеты «Ферреро Роше» из вазочки в гостиной и сворачиваю обертки так, чтобы они выглядели нетронутыми.

А еще мать придает слишком большое значение моим обострениям псориаза.

— Кожные заболевания часто имеют психосоматическое происхождение, — заявила она после изучения моей пятнистой руки. Она была поражена, что я пыталась скрыть это автозагаром. — Ты чувствуешь... Э-э, ты злишься? У тебя депрессия? Панические атаки?

— Нет, нет, нет, — ответила я. Хотя на самом деле я этого не знала. Мамин рецепт был прост: я должна была *поболтать* с Манубрио.

Мои родители хоть и не одобряют азартные игры, но на меня они поставили все. Я училась в католической школе, с детского сада изучала английский язык, меня заставляли заниматься классическим танцем, я брала уроки пения и верховой езды. И вот я здесь. Глядя на меня, конечно, не скажешь, что в моей жизни был балет; пою я только в душе и плохо; в тридцать лет я все еще ищу постоянную работу; да, я хорошо знаю английский, потому что он мне нравится, но какой в этом смысл? Не получается даже подрабатывать техническими переводами.

Мои ровесницы в городке уже делают карьеру, растят детей и выплачивают ипотеку. Я же чувствую себя отстающей во всем, но изо всех сил пытаюсь скрыть это от Манубрио. Наоборот, я стараюсь выдать ей столько информации, чтобы этого хватило успокоить маму.

Лежа на кушетке с пятнистой обивкой, я пытаюсь не замечать того, что действительно вызывает мучительные мысли, опасаясь обнаружить смутную причину — будь то комплекс Электры или бессознательная ненависть к своей работе. Я опускаю рассказ о ночах, которые я провожу, глядя на время, проецируемое на стену электронным будильником, и гадая, какой была бы моя жизнь, если бы в ней все еще были мой брат или тетя, или какой бы она стала, если бы я продолжала корпеть над книгами по юриспруденции вместо того, чтобы перейти на экономику. Была бы я сейчас юристом? Стал бы мой отец счастливее? Или я все-таки создана для театра? Смирились бы в конце концов родители с тем, что мое увлечение превратилось в работу?

Когда доктор, поправляя очки на носу, спросила, страдаю ли я какими-либо физическими недугами, я покачала головой и уставилась на висящие на стене репродукции Энди Уорхола. Никогда не смотрите в глаза своему психотерапевту! Особенно если стены в его кабинете оклеены обоями с рисунками супов «Кэмпбелл» в жестяных банках.

Я оставила за кадром обострение псориаза (который, кстати, мне таки удастся замаскировать автозагаром), приступы тахикардии и следующее за ними чувство пустоты, в котором я как будто тоню. Это всего лишь *моменты*. С кем не бывает? Об этом даже и говорить не стоит. И потом, у меня есть Бернардо,

и мы поженимся, а мою кандидатуру утвердят в офисе. Я стану как все — счастливой. Скоро мне не нужно будет встречаться каждый вторник с Манубрио. Я снова начну спать по ночам и перестану прятать «Нутеллу» в пустых цветочных горшках.

Одно я поняла точно: шансы на то, что мечты сбываются, практически равны нулю. Так зачем спешить навстречу разочарованию, если его можно избежать? Правда в цитате Оскара Уайльда, завернутой в конфету Васи Перугина*: «Счастье — это не иметь все, что пожелаешь, а желать то, что имеешь». Счастье — это жить нормальной жизнью.

— Олива, можно я приведу вам одну метафору? — спросила меня Манубрио в конце первого сеанса.

— Конечно, — ответила я, хотя вопрос был скорее риторический.

Она снова поправила очки на носу.

— Представьте, что ваша жизнь похожа на море. Закрыйте глаза. Представили?

Я кивнула, хотя в голове была пустота. Готова поспорить, когда кто-то смотрит на вас так пристально, сосредоточиться просто невозможно.

— Обычно море спокойное, но иногда его накрывает шторм. И с этим ничего не поделать, стихию вам остановить не под силу. Верно? Но вы можете научиться ловить волну.

Ловить волну. Я представила, как барахтаюсь в воде на скользкой доске среди группы серферов в облегающих

* Знаменитая марка итальянских шоколадных конфет. В каждую конфету завернута записка с предсказаниями, пословицами и цитатами.

гидрокостюмах. Даже в фантазии я была неспособна держаться прямо. Излишне говорить, что это никак не улучшило мое самочувствие.

Манубрио объяснила, что «ловить волну» можно по-разному. Самый простой способ — закрыть глаза и сделать три глубоких вдоха, чтобы *найти гармонию со своим внутренним Я*. Мне не очень удавалось ухватить суть, но вопросов я не задавала, дабы избежать риска начать все сначала. Как бы я ни старалась, в этом кабинете с висящими на стенах супами Энди Уорхола, лежа на кушетке с прокалывающей одежду мохнатой обивкой, океана мне не увидеть. Быть может, если бы Манубрио позволила мне сесть в кресло в форме яйца рядом с окном... Я не осмелилась попросить ее, ведь кто знает, какой вывод она бы сделала из этой просьбы.

Даже если методы терапии Манубрио мне не очень понятны, порой я пытаюсь применить их на практике, хотя бы из страха, что она заподозрит меня в недостаточном усердии.

Что, если это как с диетой? Кто знает, может, рано или поздно она сработает.

Но, видимо, не в этот раз. После третьего глубокого вдоха я открываю глаза — сверток все еще на месте.

Я ожидала получить руководство для диеты по биотипам, которое заказала несколько дней назад. Уже лет пять я пытаюсь сбросить пять килограммов. Один из двух ящиков моего стола завален книгами «Семидневная диета Дюкана», «Десять холистических правил доктора Йоши для преодоления приступов голода», «Водная диета», «Жиросжигающие смузи»... Они

все еще в пленке, потому что время от времени выходят новые издания, которые кажутся мне более убедительными. Я обязательно прочитаю «Диету по биотипам» — хотя бы для того, чтобы понять, какой у меня тип фигуры: яблоко или груша. Если выяснится, что груша, клянусь, я навсегда откажусь от любых усилий похудеть и выйду замуж в трапециевидном платье, фото которого мама вырезала для меня из журнала «Современная невеста». Но нет смысла торопиться: пособие по биотипам не пришло, зато пришли вести от тети.

Опять звучат аккорды из «Кармины Бурана»! Я смотрю на сверток, обернутый в китайскую газету, и не могу поверить своим глазам. Моя тетя жива.

— Его принесли с почтой, — объясняет сидящая на другом конце стола Вероника, указывая на посылку подбородком.

Я пытаюсь применить технику серфинга: сосредоточиться на мелких конкретных деталях, чтобы спастись от... Как это называла Манубрио? Душевного смятения? Волнения? Смущения? В общем, обращаюсь к своему внутреннему Я.

Я снимаю пальто и вешаю его на крючок. Хватаю конверт. Вскрываю, едва контролируя трясущиеся руки. «Кармина Бурана» в моем сердце уступила место «Металлике» раннего периода, когда они еще разбивали гитары.

В конверте записка.

«Олива, приезжай ко мне в Париж, — пишет тетя, — это очень важно».

Заняв этим предложением слишком много места, оставшийся текст она вывела по кругу, постепенно

уменьшая буквы: *«Жду тебя в „Шекспире и компании“*, рядом с Нотр-Дамом, в следующие выходные. Мой подарок возьми с собой и не распаковывай его, пока не приедешь на место. До скорой встречи, Вив».*

На обратной стороне реклама на французском языке, что-то вроде: *«„Малик. Африканская косметика“ дарит в этом месяце скидку 30% на парики, дреды и наращивание... Укладка в подарок».*

Письмо на рекламной открытке — как же это в ее стиле! Даже жирное пятно имеется. Интересно, от чего оно?

Тетин эпистолярный пыл никогда не находил выражения на простых листах белой бумаги. «Зачем способствовать глобальной вырубке лесов, когда в мире и так много бесполезных поверхностей?» — говорила она моему отцу, который был в ужасе от ее импровизированных записок на обратной стороне билетов парижского метро, бумажных салфетках, конвертах от оправдома или счетах. «Это неуважение к получателю», — утверждал отец. Тетя же отвечала, что форма уводит в сторону и отвлекает от содержания, искажает его и в конечном итоге обедняет. Я была маленькой, поэтому не считала себя вправе иметь собственное мнение по этому поводу, но записки тети на подручных поверхностях я коллекционировала, как фантики и наклейки. Я до сих пор храню их все, включая застрявший во флаконе духов кусочек бумаги, который мне так и не удалось извлечь. По-моему, на нем ничего не написано.

* «Шекспир и компания» — книжный магазин на левом берегу Сены в Париже.

И вдруг я замечаю, что в конверте, помимо открытки, лежит билет на поезд на следующую пятницу. Ночной поезд Милан — Париж, на мое имя.

Я взвешиваю в руках сверток — на ощупь он мягкий и довольно тяжелый. Это пальто? Но уже весна. Может, скатерть? Но что мне делать со скатертью в Париже? А главное, зачем посылать мне подарок из Франции, чтобы я везла его обратно, не открывая? Похоже на одну из тех затей, которые могут прийти в голову только моей тете.

Мне хотелось бы обдумать это получше, но пора приступить к работе. Я складываю все на одну сторону стола, ту, что с пятнами от кофе. В ящиках места нет: первый занят книгами, второй — запасами снеков, которые я покупаю в азиатском супермаркете. Печенье с предсказаниями, жевательные резинки со вкусом женьшеня, арахис в кокосовой глазури, соленые лимонные конфеты, острый хрустящий горошек, шоколадки KitKat с зеленым чаем, острые и пряные жареные водоросли, креветочные чипсы. Пока компьютер загружается, я поливаю алоэ, ведь сегодня понедельник. В землю воткнута зубочистка и маленький флажок с надписью: «Хочу пить».

— И кто присылает тебе такие классные посылки? — спрашивает Вероника, наклоняясь ко мне.

Я не понимаю, шутка это или нет. Пожимаю плечами и отвечаю:

— Моя тетя.

Ни слова о тахикардии, желании пробежать целый квартал, заплакать, сожрать креветочные чипсы, закричать. Не говорю я и о том, что моя тетя бесследно исчезла шестнадцать лет назад.

— Итак, давай попробуем разобраться, как предотвратить эту потенциальную катастрофу.

Вероника уже вся в работе, поэтому перешла на тон для чрезвычайных ситуаций.

Она моя ровесница, но, в отличие от меня, не тратила время зря, когда дело касалось выбора занятия ее жизни. Она все решила еще с рождения, получила диплом с отличием и сразу же устроилась на работу. Пока я переходила с факультета на факультет, со стажировки на стажировку в поисках «своего пути», ее приняли на работу. А потом опять приняли, и еще раз. И наконец повысили, а потом еще раз повысили — и теперь она мой босс.

В компании Energy and Co мы занимаемся продажей энергетических батончиков — к слову, она лидер рынка в этой области. И во время обеденных перерывов мы пробуем продукцию наших конкурентов. Недавно у нас случилось неприятное открытие: транснациональная компания по производству продуктов для завтрака решила запустить линию злаковых батончиков. Вот она, потенциальная катастрофа. Мы живем в 2011 году, во времена перемен, когда люди выбирают экономию и удобство. Большинству будет проще купить батончики в супермаркете вместе с печеньем, нежели искать нашу продукцию в спортзалах, спортивных магазинах или аптеках. По всей вероятности, они при этом еще и сэкономят.

— Бушует пожар, а мы ни разу не проводили испытания на огнестойкость, — прокомментировал ситуацию проницательный Большой Босс Руджеро, тот самый, что год спустя все еще называет меня Оливией.

— Мы должны разработать стратегию, — говорит Вероника, протягивая мне отчет об анализе рынка.

Мне нравится маркетинг, потому что он немного похож на sudoku. Дело в числах и суждениях разного уровня сложности. И вот настал черед самого высокого уровня.

После стажировки мне предложили год производственной практики, который вот-вот закончится. Скоро они должны принять решение, брать ли меня на работу. Вероника утверждает, что время сейчас подходящее, им нравятся мои идеи, я гожусь на эту роль и могу стать достойным членом команды. Чему учат мотивационные ролики? Если чего-то очень хочется — достаточно протянуть руку и забрать. Вот это я и должна сделать: протянуть руку и получить контракт. Я повторяю себе это каждое утро в лифте, после чего плутаю и попадаю не на тот этаж, а потом преодолеваю пешком два-три лестничных пролета. Меня утешает мысль, что это помогает от целюлита.

Я изучаю отчет: мне нужно найти новую стратегию, придумать идею. Однако, как и в случае с sudoku, маркетинг требует максимальной концентрации, а мой разум продолжает блуждать в потемках. Мысли постоянно возвращаются к тете.

Шестнадцать лет!

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

